

На Нерона римляне возлагали большие надежды, которых он, как известно не оправдал. Печальный конец этого императора известен. Для нас же важно проанализировать, как в массовом сознании современников народный любимец превратился в чудовище.

Как известно, в любом процессе есть некая критическая точка. Императорский культ в Римской империи был призван играть роль идеи, сплавляющей общество. Внедрение этой идеи в массовое сознание играет до определенной степени положительную роль: ведь чем сплоченнее общество, чем более оно предано своему властителю, тем сильнее государство. Но массовое сознание — столь сложная и непредсказуемая субстанция, что с ней нужно обращаться очень осторожно. Правитель должен быть еще и хорошим психологом, каковым Нерон не являлся. В своей безудержной погоне за преданной любовью и при своей необузданной жестокости он совершил много того, что, как выразился Тацит, «превосходит всякую меру». Можно сказать, что здесь император перешел ту самую критическую точку, после которой в массовом сознании сограждан начался обратный процесс: любовь начала переходить в ненависть. Долгое время Нерона спасали имя Августа и память о Германике, но когда даже это перестало иметь действие, надеяться ему больше было не на что.

Если для Римской империи Нерон — это, несомненно, яркая личность, оставившая глубокий след в истории, то на международной арене того времени он ничем особенно не прославился. Расширять державу, как пишет Светоний, у него не было ни охоты, ни желания, не было и активных контактов с варварским миром. Видимо по этому в источниках практически отсутствует информация о том, какие чувства и эмоции вызвал этот человек за пределами своей империи. Можно предполагать, что о нем были наслышаны, как о матереубийце и актере на троне, и это могло вызывать интерес, однако это был уже не тот блестящий Цезарь, каким виделись варварам и Август, и Тиберий.

А. В. Махлаюк

ПРОЦЕСС «ВАРВАРИЗАЦИИ» РИМСКОЙ АРМИИ В ОЦЕНКЕ АНТИЧНЫХ АВТОРОВ

В созданной Римом державе взаимодействие с миром «варваров» было для римских властей не только геополитической пограничной проблемой, но и актуальным вопросом военного строительства и внутренней социальной политики. Это взаимодействие в немалой степени обуславливало эволюцию римской военной организации, вооружения и тактики, политику рекрутирования, духовно-культурный облик солдат императорской армии, а также процессы интеграции в структуры Империи различных слоев провинциального населения. Не меньшую значимость имели контакты в военной области и для развития самой варварской периферии, как внутренней, так и внешней.

Данные проблемы давно и разносторонне изучаются в историографии с привлечением всего многообразия источников¹. Среди них немаловажное значение имеют и свидетельства античных писателей, которые могли непосредственно наблюдать то, что теперь называется провинциализацией и варваризацией римских вооруженных сил. Суждения и оценки греко-римских авторов, касающиеся этого процесса, и будут предметом нашего анализа. Совокупность соответствующих мнений представляет несомненный интерес. Во-первых, она может служить определенным коррелятом или даже исходным пунктом для анализа документальных свидетельств, которые дают конкретный материал об этническом составе и культурном уровне армейских контингентов. Во-вторых, высказывания античных авторов и показательно сами по себе, фиксируя отношение самих современников к процессу варваризации армии и являясь выражением определенного общественного мнения, тех стереотипов восприятия, которые проявляются в тех или иных литературно-риторических топосах, но основываются в конечном счете на известных ценностях, базовых для римской цивилизации.

Одна из таких ключевых ценностных установок, полисных по своей сути, заключалась в том, что военная служба считалась долгом и вместе с тем привилегией свободного гражданина, причем в качестве хорошего солдата предпочитался достаточно зажиточный собственник и отец семейства². Превосходство военной организации классического Рима основывалось, как заметил еще Полибий (VI.52.1-5), на национально-римском характере римского войска, набираемого из граждан. Соответственно, отступление от этих принципов в большинстве случаев оценивается античными авторами, ориентированными на традиционную идеологию, крайне негативно. В качестве первого шага на этом пути рассматривалась начата Гаем Марием пролетаризация легионов, открывшая дорогу в армию солдатам-добровольцам из числа бедняков и бездомных, на моральные качества которых невозможно было положиться (*Val. Max.* II.3 pr.; II.3.1; ср.: *Tac. Ann.* IV.4.2; I.31.1).

Несколько упрощая ситуацию, можно сказать, что следующим шагом в размывании традиционных римско-гражданских основ армии стал набор в легионы провинциалов, а затем переход к региональному и локальному рекрутированию, что было неизбежным следствием создания постоянной армии, размещенной главным образом в приграничных зонах. Это имело парадоксальный эффект: наряду с увеличением базы рекрутирования расширилась брешь, отделявшая армию от гражданского общества. И хотя внешних войн было не меньше, чем в позднереспубликанский период, большинство населения Империи жило преимущественно в мирных условиях, совершенно не зная военной жизни, и все более смотрело на солдат как на чужеродную, маргинальную груп-

---

¹ Из новых работ можно, в частности, указать следующие: Колосовская Ю. К. Рим и мир племен на Дунае. I—IV вв. н.э. М., 2000; *L'armée romaine et les barbares du III-e au VII-e siècle*. Rouen, 1993.

² Nicolet Cl. *La métier de citoyen dans la Rome républicaine*. P., 1976. P. 127 suiv.; Garlan Y. *La guerre dans l'antiquité*. P., 1972. P. 64—65.

пу³. Однако освобождение большинства населения от военной службы не мешало гражданам людям осуждать исчезновение староримских доблестей и требовать от профессиональных воинов-добровольцев их применения на практике⁴.

Сама по себе демилитаризация Италии и внутренних провинций в наших источниках трактуется неоднозначно. Согласно Тациту, такое положение приводит к тому, что римские вооруженные силы оказываются сильнее только чужеземцами, и поэтому население демилитаризованных районов обречено хранить рабскую покорность воле провинциальных войск и играть роль добычи в гражданской войне (*Tac. Ann.* III.40.3; *Hist.* I.11.3). Более поздние авторы прямо связывают возможность мирной жизни для италийцев и жителей внутренних областей с утратой свободы, установлением единовластия и созданием постоянной армии из граждан, провинциалов и союзников (*Dio Cass.* LVI.40.2; ср. *LII.27.1*; *Herod.* II.11.3-5). Напротив, греческий ритор Элий Аристид выступает откровенным апологетом такой совершенной, на его взгляд, системы, когда сами римские граждане не отягощаются военной службой, а в войска набираются peregrini (ξένοι), получающие в награду римское гражданство; благодаря этому при общем равенстве прав армию можно поставить особо (*Paп. Rom.* 73-74). Элий Аристид говорит вообще о провинциальных городских общинах, не конкретизируя их этнической и географической принадлежности.

Если же обратиться к авторам более позднего времени, то у них упадок римского государства и моральное разложение общества вполне однозначно связываются с варваризацией армии. Так, Аврелий Виктор, подчеркивая губительные последствия варваризации войска, усматривает ее причины в моральной негодности самих римлян: «...с тех пор, как распущенность побудила граждан по их беспечности набирать в войска варваров и чужеземцев, нравы испортились, свобода оказалась подавленной, усилилось стремлением к обогащению» (*De Caes.* 3.14)⁵. В другом месте (37.7) он связывает установление господства военищины с позиции сенаторов, которые безропотно согласились с эдиктом Галлиена, запретившим им доступ на командные посты в легионах: «наслаждаясь покоем и дрожа за свое богатство..., они расчистили солдатам, и притом почти варварам (*paene barbaros*), путь к господству над самими собой и над потомством».

Такого рода суждения вполне естественны в устах позднего писателя, воочию наблюдавшего итоги длительного процесса. Однако первые конкретные указания на проблему варваризации римской армии обнаруживаются еще у авторов конца республиканского периода, в частности, у Цицерона. В январе 49 г. до н. э. он высказывает опасение по поводу приближения к Риму «варваров», вероятно, имея в виду галлов, входивших в войска Цезаря (*Att.* VII.13.3). Солдат Антония, находившихся в

---

³ *Cornel T.* The End of Roman imperial Expansion // *War and Society in the Roman World* / Ed. By J.Rich and G.Shipley. L.; N.Y., 1993. P. 164, 168.

⁴ *Carrù J.-M.* Il soldato // *L'uomo romano* / A cura di A. Giardina. Bari, 1989. P. 106.

⁵ Аврелий Виктор, конечно, допускает анахронизм, высказывая эту сентенцию в связи с разговором преторианцев против Калигулы. Интересно замечание автора о том, что разговор Хереи мог бы спасти республику, если бы на военной службе были только квириты.

Риме осенью 44 г. до н. э. оратор прямо называет варварами⁶, предвосхищая то впечатление, которое спустя столетие произведет на римлян пребывавшее из Германии войско Вителлия (Tac. Hist. II.88). О том, что солдаты эпохи гражданских войн воспринимались как варвары, могут свидетельствовать и некоторые строки Вергилия. В «Буколиках» Мелибей жалуется, что его полем и посевами завладел безбожный вояка, варвар (I.70—72; ср. IX.2; [Verg.] Dirae. I. 80—81). Подобное восприятие неудивительно, если вспомнить, что именно в эпоху гражданских войн появились целые легионы, сформированные из уроженцев провинций и даже самих варваров; в частности, из трансальпийских галлов Цезарь создал знаменитый легион «Жаворонок», *Alauda* (Suet. Iul. 24.2) (ср. также Туземный легион, созданный помпеянами в Испании из кельтов, иберов и рабов).

Уже в это время длительное пребывание легионов в провинциях и тесное общение с местным населением способствовали, как отмечают источники, определенной варваризации римских солдат. Например, Цезарь, отмечая, что солдаты Помпея в Испании от постоянных войн с туземцами привыкли к своего рода варварскому способу сражения, поясняет это тем, что на солдат вообще оказывают влияние нравы тех стран, где они подолгу дислоцируются (BC. I.44.2; ср. также V. Alex. 53.2: «...воины, которые от долгого пребывания [в провинции] уже сделались провинциалами»). О солдатах, оставленных в 55 г. до н. э. Габинием для защиты Птолея Авлета, Цезарь пишет, что они привыкли к александрийской вольной жизни, забыли об имени римского народа и о дисциплине, услев обзавестись женами и детьми (BC. III.110.2). Столетием спустя подобная ситуация будет констатирована Тацитом в Сирии, где между провинциалами и солдатами возникли добрые отношения, сложились родственные и деловые связи (Hist. II.80.5). По мнению Тацита, такие тесные контакты с местным населением вообще разлагающе действуют на войско (Hist. I.53.3: *inter paganos corruptior miles*).

Наши источники фиксируют разнообразные признаки и проявления «варваризации» римских солдат — от заимствования видов вооружения, боевых приемов и обычаев⁷ до манеры одеваться. Если открытость римлян чужому военному опыту, в том числе и варварскому, оценивается в целом положительно⁸, то варварские черты во внешнем облике римских солдат и командиров вызывают подчеркнуто негативную оценку в литературных источниках. К примеру, Тацит отмечает, что военачальник Вителлия Цецина у горожан и колонистов Италии вызывал возмущение тем, что одетый, как галл, в длинные штаны и короткий полосатый плащ, он позволял себе разговаривать с людьми, облаченными в тоги (Hist. II.20.1)⁹. Как самые настоящие варвары, выглядели в

⁶ Phil. II.42.108: *Ista vero quae et quanta barbaria est!*

⁷ Например, у парфян солдаты III Галльского легиона усвоили обычай криком приветствовать восходящее солнце (Tac. Hist. III.24; ср. Herod. IV.15.1).

⁸ Polyb. VI.25.11; Sall. Cat. 51.37—38; Diod. Sic. XXIII.2.1; Veget. III pr. Впрочем, Афиней (Deipnosoph. 6.272) замечает, что в его времена римляне, «отбирая для себя полезное, перенимают от врагов и дурные привычки».

⁹ Примечательно, что вождь антиримского восстания в Галлии Классик, принимая присягу у римских легионов на верность власти галлов, пришел в лагерь, украсив себя знаками достоинства римского полководца (Tac. Hist. IV.59).

глазах столичных жителей и простые солдаты-вителлианцы, попавшие в Рим: одетые в звериные шкуры, непривычные к городской сутолоке, они наводили повсюду страх и трепет своим видом не меньше, чем грабежами; даже климат Италии оказался для них вреден (*Tac. Hist.* II.88; 94).

Столь же «невиданным войском» выглядели в столице и отряды, набранные Нероном в провинциях, и VII Гальбанский легион, прибывший из Испании (*Tac. Hist.* I.6.2). По словам Тацита, легионеры-вителлианцы своим свирепым видом, грубой речью и наглостью поразили даже солдат из расположенных в Иллирии войск, когда прибыли туда агитировать за своего вождя (*Hist.* II.74). Характерно, что при осаде Плаценции преторианцы Отона называли вителлианцев *regrinum et externum*, попрекая их тем, что они, скитаясь на чужбине, забыли о родине. А в другом месте сам Тацит заявляет, что и Вителлий, и его армия предавались жестокостям и распутству, как варвары (*Hist.* II.21.4; 73.2). Для Диона Кассия, Геродиана и *Scriptores Historiae Augustae* иллирийские легионеры Септимия Севера тоже выглядят как самые настоящие варвары со всеми коннотациями грубости, кровожадности, дикие видом и речью (*Dio Cass. LXXIV.2.6; Herod. II.9.11; VII.6.1; SHA. Did. Iul. 6.5*). Напротив, Плиний Младший, желая похвалить солдат, прибывших с Траяном в Рим, подчеркивает, что они ничем не отличались от городского плебса — ни одеждой, ни спокойствием, ни скромностью (*Pan. 23.3*).

Таким образом, в восприятии античных писателей внешний облик солдат и сама манера их поведения, безусловно, имели знаковый характер¹⁰. Акцентируя, а нередко и утрируя соответствующие характеристики, литературные источники создают, конечно, весьма тенденциозный образ солдата императорской армии, но в этом проявляется непосредственная реакция современников на ту объективную опасность, которая заключалась в постепенном размывании национально-римских основ военной организации и оказывалась особенно грозной в ситуации гражданских войн, когда соперничали провинциальные армейские группировки и создавались условия, благоприятствующие для восстаний самих провинциалов против римского владычества. Можно, по-видимому, даже говорить в связи с этим об изменении самого характера гражданских войн по сравнению с республиканским периодом, после того как была открыта «тайна императорской власти» (*arcana imperii*)¹¹. Показательно, что Павел Орозий в своей «Истории» склонен именовать войны за власть в Поздней империи не гражданскими, но союзническими (*quid nisi socialia iure vocitentur*), поскольку императоры утверждаются у власти британскими и галльскими племенами (V.22.5 sqq.).

Употребленный Орозием термин *bella socialia*, естественно, вызывает в памяти Союзническую войну 91—88 гг. до н. э., когда против Рима восстали союзные италийские общины. Эта война, как известно, стала рубежным событием,

¹⁰ В XVI-й сатире Ювенала (XVI.14 sqq.) выразительной деталью, подчеркивающей особый статус и вместе с тем грубость солдата, является *Bardaicus calceus*, «бардаиский сапог» — вид обуви, который носили центурионы и эвокаты. Его название происходит от имени иллирийского племени.

¹¹ *Jal P. La guerre civile à Rome. Étude littéraire et morale de Cicéron à Tacite. P., 1963. P. 497—498.*

в том числе и для развития военной организации, и не только потому, что «семена, посеянные допущением пролетариев в армию, развивались с убийственной быстротой», как заметил Т. Моммзен¹². Именно «новые граждане» из италиков в значительной мере составили контингенты тех массовых армий, которые действовали в эпоху гражданских войн.

На место италийских союзников гораздо шире, чем раньше, стали привлекаться формирования из перегринов и иноземных племен. В императорский период эти перегринские *auxilia* стали вторым основным родом войск, практически равным по численности легионам. Такая дихотомия на новом качественном уровне повторяла прежнее деление вооруженных сил Рима на *legiones populi Romani* и италийских *socii*. И она таила, по сути дела, те же потенциальные угрозы (если не большие), от которых не могло гарантировать ни предоставление рядовым ауксилиариям гражданства в награду за долгую службу, ни романизации племенной верхушки, представители которой получали высокие военные посты. В этих угрозах вполне отдавали себе отчет современники, имевшие перед глазами опыт событий рубежа 60—70-х гг. Для Тацита, например, вполне очевидно, что одним из факторов жестоких эксцессов в ходе гражданской войны является разнородность римской армии, «в которой перемешались граждане, союзники и чужеземцы, имеющие различные языки, обычаи, стремления и веру», и в которой единодушие достигается лишь в интересах грабежа и корысти (Hist. III.33.2; ср.: II.37.4; I.54.4). В речи британского вождя Калгака Тацитом подчеркивается, что в римском войске у большинства солдат нет родины или она вне Италии и поэтому в его рядах найдутся те, кто на него же поднимет оружие (Agr. 32)¹³. У Тацита и других историков приводится немало фактов, показывающих, что латентные противоречия между римскими и «варварскими» элементами внутри императорской армии могли выливаться в открытые конфликты (например, Agr. 28; Hist. I.54; 64; II.27; 66; 88; *Dio Cass.* LXXVIII.6.4).

В их основе, безусловно, лежал общий антагонизм между римскими завоевателями и подвластными народами. Особенно драматический характер он приобретал тогда, когда разделял одно и то же семейство. Так было в случае с двумя братьями-херусками Арминием и Флавом (см. замечательную сцену их свидания у Тацита в *Ann.* II.9-10) или в случае с вождем галльского восстания Цивилисом и его племянником Юлием Дигном (*Tac. Hist.* IV.70). Сколь бы привлекательные перспективы ни открывались перед галлами, германцами и прочими народами в случае их интеграции в римское общество, все равно среди них находились непримиримые ревнители свободы, подобные Арминию. Они никогда не согласились бы даже с положением тех союзных племен, пример которых заставил склониться к отпадению от Цивилиса батавов. Эти племена, как передает Тацит мнение раскаявшихся

¹² Моммзен Т. История Рима. СПб., 1994. Т. 2. С. 183.

¹³ Аналогичная мысль звучит и в устах готского вождя Тотилы в труде Прокопия Кесарийского (VIII.30.17—18): численность римской армии вызывает лишь презрение, так как она объединяет людей из огромного числа народов, расколота как по национальностям, так и по интересам.

инсургентов, «не платят податей, с них требуют лишь доблести и солдат, а ведь это и есть почти свобода» (Hist.V.25.2).

Однако, несмотря на отдельные эксцессы, военно-политическая система, созданная в Ранней империи, по меньшей мере до III в., пока римляне были основной легионов и сохраняли командные посты в вспомогательных войсках, в большей мере работала на процесс романизации, в целом успешно абсорбируя «варварские» элементы¹⁴. И даже усилившийся в III в. приток варваров в ряды императорской армии отнюдь не имел столь разрушительных последствий, как пытались представить некоторые исследователи, акцентируя в первую очередь негативные последствия эдикта Каракаллы¹⁵.

Более того, даже в конце IV в., когда, по словам современников, истинно римская армия уменьшилась почти до нуля и римляне целиком зависели от того, как за них будут сражаться варвары, римский дух в солдатах еще не исчез полностью¹⁶. В подтверждение этого можно сослаться на многие факты, но ограничимся только двумя любопытными свидетельствами Зосима. В первом из них (IV.31.1) рассказывается о том, как солдаты из Египта во время прохода через Филадельфию в Лидии встретились с отрядами варваров. В отличие от первых, варвары предпочитали вместо денег расплачиваться на рынке угрозами и ударами. Египтяне, вступившись за торговцев, увещевали варваров воздержаться от столь неподобающего поведения и говорили им, что люди, желающие жить по римскому закону, так себя не ведут. В другом эпизоде речь идет об отряде батавов (IV.9.2-40). В одной из схваток с германцами батавы оказались виновниками беспорядочного бегства. Император Валентиниан приказал разоружить их и продать как беглых рабов. Батавы умоляли императора извиниться от такого позора, и обещали проявить себя людьми, достойными называться римлянами. И они действительно доказали это, с воодушевлением разгромив в следующем бою варваров. Оба эпизода показывают, что престиж римского имени сохранялся в рядах армии на закате Империи даже среди тех, кого трудно считать римлянами.

В целом же, рассмотренные выше литературные свидетельства, при всей их пристрастности и односторонности, верно улавливают и отражают одну из ведущих тенденций в развитии римских вооруженных сил, которая, в свою очередь, является проявлением глобального взаимодействия мира варваров и античного общества. Усиленное подчеркивание оппозиции «римское — варварское» применительно к военной организации может, как кажется, свидетельствовать о том, что общественное сознание хотело видеть в армии один из оплотов римского мира, ибо с ней были связаны и величие Рима, и безопасность его границ.

---

¹⁴ Легионы, по замечанию одного старого французского историка, были настоящей «фабрикой римских граждан» (*Buchû-Leclercq A. Manuel des institutions romaines. P., 1886. P. 293*).

¹⁵ См., например: *Domaszewski A., von. Geschichte der römischen Kaiser. Leipzig, 1909. Bd. 2. S. 266; 269; Salmon E. T. The Roman Army and the Desintegration of the Roman Empire // Transactions of the Royal Society of Canada. 1958. Vol. LI. P. 43-57. Иную точку см., к примеру: *Vittinghoff F. Zur angeblichen Barbarisierung des römischen Heeres durch die Verbände der Numeri // Historia. 1950. Bd. 1. H. 3. S. 389—407*.*

¹⁶ *Грант М. Крушение Римской империи / Пер. с англ. Б. Брикмана. М., 1998. С. 49.*